

Программные манифесты двойной тоталитарной революции 20-го века – *Основы XIX века* Чемберлена и *Что делать?* Ленина*

Эрозия либеральных идей, наблюдавшаяся в Европе с 70-х 19-го века¹, дополнительно ускорилась в конце столетия. Они снова, как и в 70-х – 80-х гг., подверглись нападению справа и слева. И снова это были не «массы», которых все опасались, а влиятельные представители образованных слоев населения, которые боролись с такими ценностями как толерантность и гуманность с особой радикальностью и ненавистью. Не бунт масс, а восстание интеллектуальной элиты нанесло европейскому гуманизму решающий удар – писал в 1939 г. русский эмигрантский историк Георгий Федотов².

Самые серьезные поражения европейский гуманизм потерпел в борьбе с двумя идейными течениями, которые хоть и являлись порождением в целом либерального 19-го века, но свой разрушительный потенциал смогли развить лишь в тоталитарном 20-м столетии: теория классовой борьбы и расовое учение. основополагающие труды обеих школ – *Манифест Коммунистической партии* Маркса и Энгельса и *Опыт о неравенстве человеческих рас* графа Гобино – появились практически одновременно. Оба труда возникли на границе двух эпох – романтизма с одной стороны, и научно-позитивистского периода с другой – и оказались под влиянием мышлений и верований обоих. Не в последнюю очередь именно этот синтез придавал им особенную привлекательность. Романтические черты носила у Маркса и Энгельса и у Гобино вера в «Золотой век» человечества и в богоподобного спасителя во плоти. Вместе с этим они были убеждены, что открыли непреложные законы истории и научно их подтвердили. С этой верой в науку они уже шли в ногу с позитивистским духом времени, который начал утверждаться к середине 19-го века.

* Опубликовано ранее в: Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2007. Vol. 11. P. 11-52.

¹ См. на эту тему: Der Berliner Antisemitismusstreit / Ed. W. Boehlich. Frankfurt/Main 1965; Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866-1918. Vol. 2. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992. P. 382-408; Pulzer P. G.J. Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867 bis 1914. Gütersloh, 1966; Claußen D. Vom Judenhaß zum Antisemitismus. Materialien einer verleugneten Geschichte. Darmstadt, 1987. P. 94-108; Luks L. Die Sehnsucht nach der „organischen nationalen Einheit“ und die „jüdische Frage“ im publizistischen Werk Fedor Dostoevskijs und Heinrich von Treitschkes // Deutschland, Rußland und das Baltikum. Beiträge zu einer Geschichte wechselvoller Beziehungen. Festschrift zum 85. Geburtstag von Peter Krupnikow / Ed. F. Anton, L. Luks. Köln, 2005. P. 155-186.

² Федотов Г. К смерти или к славе? // Новый Град. 1939. № 14. С. 102.

Как Маркс и Энгельс, так и Гобино были историческими детерминистами, но с одной разницей: концепция авторов *Манифеста Коммунистической партии* отличалась безграничным оптимизмом, а труда Гобино – безграничным пессимизмом.

Маркс и Энгельс были убеждены в том, что нашли в пролетариате нового мессию, свободного от греха эксплуатации человека человеком. Практически ничего больше не связывало промышленного пролетария со старым, пронизанным классовой борьбой миром. Поэтому его предназначением было разрушить этот греховный мир и ввести человечество в «Золотой век» бесклассовости.

Для Гобино спасителем была белая раса: «[История] показывает, что всякая цивилизация берет начало от белой расы и ничто не может долго поддерживаться без ее участия, что общество может быть великим и процветать лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую ее благородную группу»³. Что, однако, чрезвычайно огорчало Гобино, так это выявленный им постоянный упадок этого «благороднейшего» рода человеческого, происходящий из-за смешения с другими расами: «смешение, смешение везде, смешение всегда»⁴, – огорченно жаловался один из основателей расовой теории. «Золотой век», который для Маркса и Энгельса должен был прийти лишь в «светлом будущем», находился для Гобино в глубокой древности, и он утверждал: «что брахманы Древней Индии, герои «Илиады» [...] и скандинавские воины являют нам более благородный и прекрасный образ человечества [...], нежели смешанные народы нынешнего времени»⁵.

Однако для расового пуриста Гобино даже «арийские» «герои великих эпох прошлого» не были безупречны: «В их жилах тоже уже не текла чистая кровь»⁶. Еще тревожнее выглядело для Гобино будущее человечества: оно подвергается распаду и неудержимо дегенерирует, так как из-за постоянного смешения белая раса теряет свою чистоту⁷. В конце этого процесса упадка произойдет окончательное вымирание. Но еще страшнее, чем неизбежная гибель человечества, была для Гобино следующая перспектива: «прискорбнейший прогноз это не смерть, а уверенность в том, что мы придем к ней обесчещенными»⁸.

Мрачные прогнозы Гобино напоминают апокалиптические видения испанца Доносо Кортеса и других сторонников теорий декаданса, широко распространенных в середине 19-го века. При этом тогдашние «культурные пессимисты» не делали различия между упадком старой аристократической Европы и упадком европейской культуры как таковой⁹.

³ Graf Gobineau A. Versuch über die Ungleichheit der Menschenrassen. Vol. 1-4. Stuttgart, 1904, зд. vol. 1, p. 285.

⁴ Ibid. Vol. 4. P. 313.

⁵ Ibid. Vol. 1. P. 283f.

⁶ Ibid. Vol. 32, 284.

⁷ Ibid. P. 32.

⁸ Ibid. Vol. 4. P. 323.

⁹ См. также: Luks L. Dekadenzängste und Rußlandfurcht – zwischen Wiener Kongreß und Krimkrieg // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte. 1995. № 24. P. 15-39.

Пессимистически были тогда настроены не только сторонники «старого режима», но и его противники, поскольку их попытка добиться внедрения либеральных, демократических или социалистических принципов после провала революции 1848/49, казалось, потерпела полное фиаско. Таким образом, опыт 1848/49 показал многим противникам старого режима, что существовавший политико-социальный строй нельзя было свергнуть снизу. Часть правящего консервативного истеблишмента, с другой стороны, поняла, что «работа с общественностью» является чрезвычайно важным элементом политики и что в долгосрочной перспективе бороться против господствующих в обществе идей, против «духа времени», бесполезно. Осознание этого привело к компромиссу, позволившему существовавшей системе интегрировать все большее количество ее прежних противников. Националистская идеология стала при этом связующим звеном, отвлекавшим все более широкие слои населения от внутренних конфликтов.

Так практически окончилась революционная эпоха на Западе после 1849. Правящие круги могли облегченно вздохнуть, культурно-пессимистические видения, грозившие потрясти самосознание европейцев в середине 19-го века, появлялись в последующие десятилетия все реже. Вместо этого западная часть европейского континента пережила во второй половине 19-го века мощный процесс индустриализации, модернизации и либерализации.

Также и марксистски ориентированное рабочее движение, последняя влиятельная группировка Запада, принципиально отвергавшая «буржуазное государство», в уходящем 19-м столетии начала интегрироваться в существовавшую систему.

Пролетариат, с которым Маркс и Энгельс связывали свои хилиастические надежды, все меньше и меньше интересовался революцией. Такие события как восстание парижских рабочих в июне 1848 или парижская коммуна остались лишь периферийным явлением.

Успешная индустриальная революция представлялась для классиков марксизма предпосылкой для победы пролетарской революции. Реальное же историческое развитие событий пошло по точно противоположному сценарию. Только там, где индустриальная революция не произошла своевременно, у вдохновленной марксистскими идеями революции был шанс. Не в высокоразвитых индустриальных государствах, а в аграрных и развивающихся странах могли быть реализованы выдвинутые в *Манифесте Коммунистической партии* постулаты. На высокоиндустриальном Западе же наступило смягчение классовых противоречий, которые Маркс считал ранее непреодолимыми. Промышленная революция начала приносить плоды, и рабочие могли уже потерять больше, чем просто их оковы. Не в последнюю очередь из-за этого Эдуард Бернштейн пытался в своей вышедшей в 1899 г. книге *Основы социализма и задачи социал-демократии* привести марксизм в соответствие с действительностью, какой он ее видел. Крах капитализма не предстоит в ближайшем будущем, утверждал он. Поэтому СДПГ должна отказаться от своей революционной риторики и совместно с либераль-

ными группировками начать работать над реформированием существовавшего общества.

Тезисы Бернштейна хотя и были отвергнуты большинством лидеров Социалистического интернационала, но растущее влияние сторонников эволюционного метода в западном рабочем движении нельзя было не заметить.

Между тем, смягчение классовых противоречий на Западе было вызвано не только успешной индустриальной революцией, но косвенно и самим Марксом, точнее, вдохновленным им движением. В своем выступлении на учредительном собрании Первого интернационала в сентябре 1864 Маркс сказал о целях данной организации следующее: рабочий класс может использовать в борьбе за эмансипацию только свою численность, так как других средств у него нет. Но без организации и теоретических знаний численности недостаточно. Если рабочий класс намерен вести с капиталистическим государством успешную борьбу, то ему необходимо противопоставить мощному экономическому и политическому потенциалу государства соответствующую организацию и всеобъемлющую теорию¹⁰.

Основанному в 1864 г. Интернационалу не удалось реализовать эти марксистские постулаты. Он распался как раз из-за организационной слабости и недостатка теоретической гомогенности. Партии основанного в 1889 г. Второго Интернационала, напротив, представляли собой сильные организации с общим объединяющим их теоретическим звеном (марксистской идеологией).

Их организаторская сила и идеологическая гомогенность помогли теперь важнейшим социал-демократическим партиям на Западе добиться значительных политических и экономических успехов. Все меньше стран могло позволить себе отказать рабочим в праве на забастовку, также и всеобщее избирательное право, идущее однозначно на пользу промышленным рабочим, распространялось на все новые государства. Кроме того, марксисты начали все сильнее влиять на политический дискурс в Европе. Они привлекали внимание многих общественных кругов к рабочему вопросу. Даже в Ватикане, хотя и со значительным опозданием, рабочий вопрос стал одним из самых насущных вопросов того времени. Польский теолог Стемпа комментировал подобное положение дел в начале 20-го века так: «Мы должны сравнить две даты. В 1848 г. был опубликован *Манифест Коммунистической партии*, в 1891 г. – энциклика Папы Римского о социальной политике *Rerum novarum*. То есть церковь опоздала на 40 лет. Без этого опоздания сегодняшняя религиозная ситуация, наверное, выглядела бы иначе»¹¹.

Как бы там ни было, к заслугам марксистов, несомненно, относится тот факт, что рабочий вопрос и для не марксистов стал делом чрезвычайной важности. Это существенно повлияло на решение данного вопроса.

¹⁰ Marx K., Engels F. Werke (MEW). Vol. 1-39. Berlin, 1959–1968, зд. vol. 16, p. 5-16.

¹¹ Цит. в.: Żakowski J. Pół wieku pod włos // Magazyn Gazety Wyborczej. 24.3.1995. P. 8.

Атака справа

С другой стороны, как раз успехи рабочего движения возбудили снова апокалиптические ожидания в лагере сторонников существовавшего общественного порядка. Либеральная демократия была, по их мнению, не в состоянии адекватно отреагировать на этот новый вызов. Начался чрезвычайно глубокий кризис идентичности парламентаризма и либерализма. Этот кризис был связан с растущим скепсисом в ведущих интеллектуальных кругах Запада по отношению к позитивистской вере в прогресс и науку и с недоверчивым отношением к рационалистским моделям. Начался поиск альтернатив к парламентско-демократической системе, стремление к обновлению или возрождению правящих элит (В. Парето, Г. Моска). Характерный для либеральной эпохи поиск компромиссов с внутривнутриполитическими противниками критики парламентаризма и либерализма отвергали категорически. Они выступали за *децизионистские* решения, за устранение политического противника, если необходимо, то даже при помощи т.н. «прямого насилия». К одной из опаснейших угроз для европейской цивилизации стилизовалось теперь многими правыми критиками либерализма так называемое «восстание масс». А организованное рабочее движение они считали опаснейшей формой этого восстания. Чтобы противостоять этой идущей снизу опасности некоторые антилиберальные группировки, например, социал-дарвинисты, предлагали пересмотреть традиционные понятия морали. Так, по их мнению, не слабые и дискриминированные должны были быть защищены от сильных, а, наоборот, сильные и лучшие – от слабых, т.е. от массы. Сострадание по отношению к слабым социал-дарвинисты считали полностью отжившим себя обязательством. Они идеализировали законы биологической природы и пытались применить царящее в природе право сильнейшего к обществу¹².

Евреи были для многих воинствующих противников Новой эпохи предводителями «восстания масс». Они, якобы, подстрекали «законопослушные» нижние слои населения на борьбу против сословных привилегий и социальных изъянов. Пущенное Генрихом фон Трейчке в 1879 г. в оборот предложение «Евреи — наше несчастье»¹³ стало на рубеже веков общим достоянием многих группировок по всей Европе. «Респектабельность» Трейчке, казалось, добавляла антисемитским мифам дополнительную достоверность – как, например, мифу о «еврейской прессе», разлагающей нравы, или о «еврейских богохульниках», подстрекающих якобы благочестивых христиан к отказу от их традиционных представлений о вере.

¹² См. кроме прочего также: Zmarzlik H. G. Der Sozialdarwinismus in Deutschland. Ein geschichtliches Problem // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1963. P. 246-273.

¹³ von Treitschke, H. Unsere Aussichten / Idem. Aufsätze, Reden, Briefe. Vol. 4. Schriften und Reden zur Zeitgeschichte II. Meersburg, 1929. P. 466-482.

Предложения Трейчке по поводу решения «еврейского вопроса» оказывались, однако, для многих его «последователей» не достаточно радикальными. Несмотря на свою неприязнь к евреям, становящуюся все более интенсивной, Трейчке все же не полностью освободился от некоторых либеральных представлений и неоднократно повторял, что еврейскую эмансипацию, как таковую, он под вопрос не ставит.

Подобные остатки либерального мышления вызывали у последователей Трейчке только насмешку. По их мнению, решение «еврейской проблемы» требовало совершенно новых методов. С особой решительностью отстаивал подобные новые формы подхода к еврейству англо-немецкий публицист Хьюстон Стюарт Чемберлен, чье произведение *Основы XIX века*, вышедшее в 1899 г., стало как бы обязательным чтением для бесчисленных псевдоинтеллектуальных кругов в Германии и за ее пределами¹⁴.

При этом нельзя забывать, что этот труд, пытавшийся объяснить религиозные, исторические и культурные основы европейской цивилизации, был написан дилетантом, который сам о себе говорил, что он не специалист и не ученый: «Я не только не ученый, а я еще и органически не способен когда-либо стать таковым»¹⁵.

Так было и на самом деле. Псевдонаучная самоделка Чемберлена наткнулась на презрительно-иронические реакции многих специалистов, о чем неоднократно жаловался сам Чемберлен: «Эти профессорские предрассудки в Германии почти уже стали бедствием» – писал он 4 января 1902 г. Кайзеру Вильгельму II.¹⁶, одному из самых больших почитателей *Основ*.

Что же стало причиной чрезвычайной популярности этого «труда», несмотря на крайне скептическую реакцию многих ученых? Это была, без сомнения, претензия Чемберлена на открытие закономерности истории. Практически в марксистской манере он заявлял, что открыл причину причин, *prima causa* исторических процессов, которой явился для него смертельный бой между «чрезвычайно созидательной» арийской и, соответственно, индоевропейской расой и ее «врагом» – семитизмом и, соответственно, еврейством.

Будучи страстным почитателем Рихарда Вагнера, его биографом и ведущим публицистом вагнеровского байройтского кружка (*Bayreuther Kreis*), Чемберлен продолжил борьбу своего наставника против еврейства, которому вменялась ответственность за «упадок нравов» современного мира. С согласием и одобрени-

¹⁴ См. кроме прочего также: Bein A. Die Judenfrage. Biographie eines Weltproblems. Stuttgart, 1980. Vol. 1. P. 228ff.

¹⁵ Chamberlain Houston Stewart: Briefe 1882–1924 und Briefwechsel mit Kaiser Wilhelm II. Vol. 1-2. München, 1927, зд. vol. 1, p. 60. См. также: Ibid. P. 54.

¹⁶ Ibid. Vol. 2. P. 145f.; В своих воспоминания Чемберлен жаловался на то, что «в Германии [...] только квалифицированный специалист может писать историю» (Chamberlain Houston Stewart. Lebenswege meines Denkens. München, 1919. P. 144).

ем Чемберлен цитировал и данное Вагнером определение еврейства, которое композитор называл «пластическим демоном упадка человечества»¹⁷.

Между тем, боевой памфлет Чемберлена шел дальше программы Вагнера, зафиксированной особенно отчётливо в его работе *Еврейство в музыке*. Вагнер призывал евреев отказаться от их еврейства: «совместно с нами стать человеком, для еврея значит, прежде всего, перестать быть евреем»¹⁸.

Чемберлен считал подобную самоликвидацию еврейства абсолютно невозможной, т.к. сущность евреев неразрывно связана с их расой¹⁹.

Хотя и Вагнер под влиянием Гобино, которого он встретил в 1876 г. в Риме, начал все сильнее верить в расовый детерминизм²⁰, у Чемберлена эта вера уже перешла в форму едва ли не непоколебимой догмы. Исключительную убедительность этой аксиоме придавал тот факт, что она маскировалась под «научную теорию».

Соскучившиеся по простым решениям псевдоинтеллектуальные читатели Чемберлена были безмерно благодарны автору за его «ключ» к разгадыванию «смысла истории». Так, Вильгельм II. писал 31 декабря 1901 автору *Основ*: «И тут являетесь Вы, и как прикосновением волшебной палочки Вы вносите порядок в хаос, свет во тьму; цели, к которым надо стремиться; объяснения для смутных догадок, пути, по которым надо пройти во благо немцев и тем самым во благо всего человечества!»²¹.

Козима Вагнер, отреагировавшая почти также эйфорически на книгу, писала Чемберлену 15 февраля 1902: «Ваши *Основы* – наиболее читаемая книга во всех сословиях, и при встрече с его величеством кайзер неоднократно повторял: "Так считает и Чемберлен". Вам удалось достичь чрезвычайного влияния, друг мой»²².

Что, однако, в связи с этим удивляет, так это тот факт, что книга Чемберлена нашла признание не только в кругу бесчисленных дилетантов, но также и среди некоторых ученых, которые, как и малограмотные читатели *Основ*, стремились к одной магической формуле, с помощью которой можно было бы объяснить трудно понятный ход истории. К «соблазненным» этой идеей относился и вероятно самый известный протестантский теолог того времени: Адольф фон Гарнак. Историк церкви Вольфганг Кинциг, выпустивший недавно переписку между Гарнаком и Чемберленом, пишет: «Остается загадкой, как такой мыслящий историк

¹⁷ Chamberlain Houston Stewart. Richard Wagner / Idem. Gesamtausgabe seiner Werke in neun Bänden. Vol. 1, München. P. 224.

¹⁸ Wagner R. Das Judentum in der Musik // Richard Wagners „Das Judentum in der Musik“. Eine kritische Dokumentation als Beitrag zur Geschichte des Antisemitismus / Ed. J.M. Fischer. Frankfurt/Main-Leipzig 2000. P. 173.

¹⁹ Chamberlain Houston Stewart. Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts. Ungekürzte Volksausgabe. München, 1932. P. 382-388.

²⁰ Field G.G. The Evangelist of Race. The Germanic Vision of Houston Stewart Chamberlain. N.Y., 1981. P. 152.

²¹ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 142.

²² Цит. по: Kinzig W. Harnack, Marcion und das Judentum. Nebst einer kommentierten Edition des Briefwechsels Adolf von Harnacks mit Houston Stewart Chamberlain. Leipzig, 2004. P. 212.

мог "попасться на удочку" пафосной риторики и блестящего шарма философски и теологически во всех отношениях малограмотного Чемберлена». Кинциг добавляет: «Другие, в отличие от Гарнака, были пронизательнее. Достаточно сравнить острые замечания Франца Овербека по поводу Чемберлена, чтобы понять, что было *не обязательно* подпадать под риторическое искусство соблазнения публициста, что можно было распознать в Чемберлене то, чем он являлся: [...] "дилетанта", относящегося к себе самому слишком серьезно, которого поэтому и нельзя было принимать всерьез»²³.

Книга Чемберлена содержала, однако, не только «простые» ответы на сложные вопросы истории человечества, но и руководство к действию. Он показывал, какие средства должны были быть использованы для поворота хода истории, пронизанной борьбой между арийской и семитской расами, в благотворное для арийства направление. Он горячо выступал, как уже упоминалось, за «карфагенское» решение семитского вопроса, т.е. за физическое устранение семитского очага опасности по примеру Рима 146 г. до н.э. Он пишет: «Одно [...] ясно как солнце в полдень: если бы финикийский народ не был бы уничтожен, [...] то человечество никогда не пережило бы этот 19-й век, на который мы сейчас, при всем смиренном признании наших слабостей [...] все-таки с гордостью [...] оглядываемся. При несравнимой стойкости семитов хватило бы и малейшей пощады, чтобы финикийская нация вновь зародилась; в полусожженном Карфагене их огонь жизни продолжал бы тлеть под пеплом, чтобы, как только Римская империя приближалась бы к распаду, снова вспыхнуть ярким пламенем [...]. В евреях мы можем видеть другую, но не менее опасную разновидность яда, пожирающего везде все благородное и продуктивное, и нужно быть слепым или нечестным, чтобы не признавать, что проблема еврейства в нашем обществе относится к наисложнейшим и опаснейшим проблемам современности»²⁴.

И так как евреи после исчезновения финикийцев представляли собой якобы наибольшую оставшуюся опасность для арийской расы, Чемберлен был бесконечно благодарен римлянам за их «подготовительную работу», за их другое разрушительное деяние, которое «для мировой истории обладает, наверное, таким же огромным значением» как и разрушение Карфагена – разрушение Иерусалима: «Без этого поступка [...] христианство едва ли когда-либо вырвалось бы из иудаизма. (... Мы) получили бы таким образом реформированный христианскими импульсами, правящий миром иудаизм»²⁵.

В этом высказывании содержится одно из самых значительных противоречий и без того запутанной логической модели Чемберлена: этот защитник «истребительной» программы и моральный зачинатель холокоста считал себя христианином! В отличие от многих других расистов того времени, придерживавшихся новоязыческих идей и считавших христианство орудием евреев, служившим раз-

²³ Ibid. P. 231.

²⁴ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 162f.

²⁵ Ibid. P. 165.

рушению арийской расы²⁶, Чемберлен, казалось, не так радикально порвал с традиционными европейскими представлениями. И как раз из-за этой кажущейся верности христианским традициям его «послание» почти непреодолимо притягивало к себе многих представителей консервативного истеблишмента в вильгельмовской Германии. Они не отдавали себе отчет в том, что идеи Чемберлена не имели практически ничего общего с христианством. Ибо автор *Основ* выступал за «арийское» и соответственно «германское» христианство, которое должно было быть очищено от «семитского яда» и не в последнюю очередь от «Ветхого Завета»²⁷. Евреев он изображает как насквозь материалистический народ, которому чужды любые религиозные способности²⁸. Уже пророки Ветхого Завета, по его мнению, показали, насколько обреченной была эта нация «идолопоклонников». По этой причине Христос, которого Чемберлен считает самой важной религиозной фигурой человеческой истории²⁹, не мог быть евреем. Как галилеянин он принадлежал к народу, хотя и исповедующему иудаизм, но не смешивающемуся с евреями, утверждал Чемберлен.³⁰

Абсурдная теория Чемберлена о «нееврейском» Христе нашла многих поклонников, прежде всего среди его консервативно настроенных читателей. Уже лишенный власти Вильгельм II. писал Чемберлену 12 марта 1923: «Церковь должна решиться порвать со старым и воспользоваться результатами научных исследований. Я, со своей стороны, думаю так. Прежде всего необходимо порвать с верой в то, что Яхве евреев это наш Господь Бог»³¹.

Другой корреспондент Чемберлена, принц Макс фон Баден, жаловался на «засилие Ветхого Завета в церкви и государстве»³².

Как же Чемберлен мог совместить его веру в Христа с пропагандой «карфагенского» решения, т.е. убийства евреев? Он добился этого посредством переосмысления послания Христова, в центр которого он поставил не любовь к ближнему, а следующие изречения из Евангелия: «Кто не со Мною, тот против Меня» (от Луки 11:23). И «никакое явление в мире не идет так "против Него" как еврейская религия» – добавляет Чемберлен³³. Также и другое предложение из Евангелия цитируется им в данной связи: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (от Луки 12:51).

²⁶ См. кроме прочего также: Pulzer P. G.J. Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867–1918. Gütersloh, 1966; Jochmann W. Gesellschaftskrise und Judenfeindschaft in Deutschland 1870–1945. Hamburg, 1991; Field. The Evangelist.

²⁷ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 649–686.

²⁸ «[Каждый] мистик (хочет он того или нет) – прирожденный антисемит», – пишет он в *Основах* (p. 1046).

²⁹ Ibid. P. 239–245, 859f.

³⁰ Ibid. P. 245–258.

³¹ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 267.

³² Цит. по: Urbach K., Bucher B. Prinz Max von Baden und Houston Stewart Chamberlain. Aus dem Briefwechsel 1909–1919 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2004. P. 121–177, зд. p. 149, см. также p. 143.

³³ Chamberlain. Die Grundlagen. P. 269.

Не любовь стояла в центре пропагандируемого Чемберленом «арийского» христианства, а ненависть: «Честно говоря, под понятием "любовь" я себе ничего представить не могу, если нет такой вещи, что называется "ненавистью"», – писал он в своем письме Адольфу фон Гарнак. Чемберлен пишет, что ненавидит плохое, постыдное, подлое, «все то, что каждый день, во всех областях, оскверняет, отравляет, разрушает все то, что мне дорого и свято, чтобы все благородное в нашей любимой бедной великой Европе безвозвратно исчезло – я не понимаю призыва любить это; всеми силами моей души я это ненавижу, ненавижу и ненавижу!»³⁴.

«Человеколюбивые сантименты» современного европейца Чемберлен только высмеивал. Они-то якобы и допустили взлет еврейства: «Ведомый идеалистическими представлениями, индоевропеец дружественно открыл свои ворота: как враг ринулся в них еврей. Захватил все позиции и насадил [...] на брешах нашей подлинной самобытности флаг своей, нам навечно чуждой сути»³⁵.

Как Чемберлен собирался противостоять этой с его точки зрения «смертельной опасности», он уже описал в своей главе об уничтожении финикийской нации Римом: «При несравнимой стойкости семитов хватило бы и малейшей пощады, чтобы финикийская нация вновь зародилась»³⁶.

Чемберлен приводит ряд аргументов, почему с еврейской расой надлежало бороться так безжалостно:

«[Их] существование – грех, их существование – преступление против священных законов жизни» (Основы. С. 443).

«Основы еврейской религии включают в себя [...] прямое преступное покушение на все народы мира» (С. 533).

«Преступные надежды этого народа [...] делают из него открытого или тайного врага любого другого человека, опасность для каждой культуры» (С. 535).

«Нельзя понять еврейство и его власть, также как и его жизненную стойкость, [...] пока не узрешь это демонически-гениальное в его основе. Здесь речь идет в самом деле о борьбе одного против всех» (С. 541 и сл.).

Таким образом, Чемберлен лишает евреев человеческого облика. В своей книге о мыслителях-предшественниках национал-социализма Дорис Менделевич так обобщает образ евреев Чемберлена: «Все то, что составляет суть человека, отсутствует у евреев; они не творческие личности, а просто дурные рационалисты и материалисты, их "религиозный инстинкт" недоразвился»³⁷.

³⁴ Idem. Briefe. Vol. 1. P. 217.

³⁵ Idem. Die Grundlagen. P. 382.

³⁶ Ibid. P. 162.

³⁷ Mendelewitsch D. Volk und Held. Vordenker des Nationalsozialismus im 19. Jahrhundert. Rheda-Wiedenbruck, 1988. P. 46.

Этой дегуманизацией евреев Чемберлен по сути дела предвосхитил расистский тезис о «жизни, недостойной жизни», который нацистский режим позже с беспрецедентной эффективностью приведет в исполнение. Не удивительно, что автор *Основ* займет почетное место в «пантеоне» НСДАП³⁸. Чемберлен был «без сомнения самым важным моральным предшественником национал-социалистского движения», писал Герман Кайзерлинг в своих воспоминаниях³⁹.

К пониманию этого Кайзерлинг пришел однако довольно поздно. Его непосредственная реакция на *Основы* выглядела совсем иначе – он назвал их «произведением искусства»⁴⁰. Подобным образом думали и многие его современники, и это несмотря на то, что прославление геноцида являлось красной нитью этого «произведения искусства». Это показывает, насколько распространенным был тогда в Германии антисемитский «культурный код» (Шуламит Волков)⁴¹. Даже Адольф Гарнак, решительно отвергавший расовый антисемитизм, лишь в очень мягкой форме спорил с «посланием» *Основ*. В октябре 1901 он писал Чемберлену: «Не редко я рассматриваю проблемы еще сложнее, чем Вы и поэтому не везде я могу следовать Вашим противоречивым суждениям»⁴².

Яснее Гарнак высказался только спустя 11 лет, когда он обличил расистские пассажи в книге Чемберлена о Гете:

«Вы действительно одержимы антиеврейским демоном, затуманивающим Ваш взгляд и этим пятном обезображивающим Вашу замечательную книгу [...]. Я не думаю, что провидение создало подобный позорный народ; я верю вообще только условно внутри единичных ветвей арийцев и семитов в строгие расовые характеристики.»⁴³

Эта пылкая критика расовой теории в конце письма, однако, смягчалась, в духе уступки уже упомянутому антисемитскому «культурному коду»: «Однако же хватит – за евреем тут не должно остаться последнее слово. Вернее даже, он может и вообще исчезнуть, и между нами останется только убежденность в том широком и глубоком общем, которое Вы так превосходно показали в Гете»⁴⁴.

Амбивалентное отношение Гарнака к еврейскому вопросу и теориям Чемберлена было типичным для вильгельмовской Германии. Предложено Чемберле-

³⁸ См. кроме прочего также: Köhler J. Wagners Hitler. Der Prophet und sein Vollstrecker. München, 1997; Sarkisyanz M. Vision vom Dritten Reich und Dritten Rom. Waren es die Sonderwege Deutschlands und Rußlands, die nach Auschwitz und zum GULAG führten? // Rußland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert. Zwei „Sonderwege“ im Vergleich / Ed. L. Luks, D. O’Sullivan. Köln, 2001. P. 69-92, зд. p. 89f.

³⁹ Цит. по: Kinzig, Harnack. P. 213f.

⁴⁰ Цит. по: Köhler, Wagners Hitler. P. 178.

⁴¹ Volkov Sh. Antisemitismus als kultureller Code / idem. Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert. Zehn Essays. München, 1990. P. 13-36.

⁴² Kinzig, Harnack. P. 233.

⁴³ Ibid. P. 263.

⁴⁴ Ibid. P. 266.

ном «карфагенское решение» еврейского вопроса была настолько чудовищным, что многие его почитатели, вероятно, не приняли его всерьез. Так как оно не согласовывалось с европейским образом человека эпохи конца 19-го и начала 20-го века; несмотря на дело Дрейфуса и еврейские погромы в России. До начала Первой мировой войны, оповестившей о конце старой Европы и «долгого 19-го века», программа Чемберлена представляла собой, по сути, только утопический набросок – однако это был набросок, содержащий чрезвычайную революционную взрывную силу и давший несколько лет спустя одному из величайших преступлений в истории человечества программную основу. Ибо в отличие от Гобинно, считавшего упадок арийской расы неизбежным, Чемберлен объявил этому «закону упадка» непримиримую борьбу. Он хотел избавиться от него при помощи устранения важнейшей на его взгляд причины упадка арийства – еврейской расы. Йоахим Келер, детально показавший в своей книге *Wagners Hitler* идеологическую преемственность между *Основами XIX века* и *Mein Kampf* Гитлера, пишет о чрезвычайно простой программе Чемберлена следующее: «Кто [...] распознал причину упадка, тот не может поступить иначе кроме как во имя собственного выживания ее уничтожить», и добавляет: «своевольная, по современным понятиям абсурдная историческая теория Чемберлена должна была только стать прелюдией к великому спасительному делу»⁴⁵.

Спасение арийской расы Чемберлен планировал как «самоспасение». Оно должно было максимально мобилизовать силу воли, чтобы потом с особой последовательностью пойти против ее мнимого «смертельного врага», до его устранения. Этим почти «гностическим» (Эрик Фегелин) «концептом самоспасения»⁴⁶ Чемберлен в сущности провозгласил наступление 20-го века, наполненного идеологиями, провозглашающими истребление людей главным условием построения райских условий на земле.

В связи с этим странно, что Джеффри Филд, относящийся к наилучшим знатокам теорий Чемберлена, в некоторых центральных пунктах недооценивал характер мировоззрения этого непреклонного защитника ненависти к евреям. Так, Филд пишет:

«The anti-Semitism of Chamberlain and other Wilhelminian figures [...] was not exterminatory: their most extreme utterances called vaguely for legislative restrictions which would have reduced Jews to the status of resident aliens with specific positions in society closed to them and no voice in political affairs. Most of the time these anti-Semites offered no solutions at all – their anti-Semitism was more of a ‘defensive’ creed, a language for defining German values and exhorting cultural rebirth, than an offensive prescriptive doctrine demanding specific action against Jews.»⁴⁷

⁴⁵ Köhler. *Wagners Hitler*. P. 176, 179.

⁴⁶ См. также: Voegelin E. *Wissenschaft, Politik und Gnosis*. München, 1959.

⁴⁷ Field. *The Evangelist*. P. 456.

Таким образом, Филд смешивает ненависть к евреям Чемберлена с идеологическими представлениями других антисемитов вильгельмовской эпохи, действительно думавших в первую очередь о правовых ограничениях в отношении евреев. В этой связи можно упомянуть председателя Пангерманский союза Генриха Класа, который под псевдонимом Даниель Фриман в 1912 выпущенной книге *Если бы кайзером был я* хотел решить еврейский вопрос следующим образом:

«Излечение нашего народа [...] возможно только тогда, когда еврейское влияние будет либо совсем элиминировано, либо спадет до уровня терпимого и неопасного. [...] К этому относятся следующие меры: евреи не должны занимать государственных должностей. [...] Они не должны обладать ни активным, ни пассивным избирательным правом. Они не должны заниматься профессией адвоката и учителя; это же касается и руководства театрами. Газеты, в которых заняты евреи, должны быть обозначены таковыми. [...] В обмен на защиту, которая предоставляется чуждым нам евреям, они должны платить вдвое больше налогов, чем немцы»⁴⁸.

Несмотря на свою чрезвычайную гнусность, «программа» Класа имела мало общего с «карфагенским» сценарием Чемберлена. Идентифицируя программы типичных антисемитов вильгельмовской эпохи с «элиминирующим видением» Чемберлена, Филд существенно способствовал недооценке ненависти к евреям автора *Основ XIX века*.

Филд хотя и подчеркивает, что Чемберлену «удалось» преодолеть пессимизм Гобино, т.к. Чемберлен якобы, в отличие от последнего, верил, что остановить гибель арийской расы вполне возможно: «Chamberlain offered a more optimistic and messianic vision»⁴⁹.

Однако Филд обращает мало внимания на тот факт, что оптимизм Чемберлена был связан с убеждением, будто путем «карфагенского решения» можно устранить главную причину гибели арийства.

Неубедителен также и тезис Филда о якобы амбивалентной позиции Чемберлена в еврейском вопросе⁵⁰. Он ссылается при этом на следующие высказывания *Основ XIX века*:

«Не требуется подлинно хеттского носа, чтобы быть евреем. Это слово скорее обозначает определенный способ чувствовать и думать; человек может очень быстро, не будучи израилитом, стать евреем [...]. С другой стороны, бессмысленно настоящего израилита, которому удалось сбросить оковы Эзры и Нехемии, и в

⁴⁸ Frymann Daniel (i.e. Claß Heinrich): Wenn ich der Kaiser wär' – politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig, 1914. P. 74, 76.

⁴⁹ Field. The Evangelist. P. 220.

⁵⁰ Ibid. P. 218.

чем разуме нет места закону Моисея, а в сердце – презрению к другим, называть "евреем"» (С. 544 и сл.).

Эти высказывания настолько противоречат тезису Чемберлена о еврейской крови, которая якобы неизлечимо отравляет другие расы⁵¹, что приведенную цитату, обещающую «нееврейским» евреям шанс на выживание, ничем другим как лицемерным отвлекающим маневром назвать нельзя. Подобным же образом следует оценивать и притворное дистанцирование Чемберлена от антисемитизма, которое временами можно наблюдать в его трудах. Так, например, в одном из своих писем 1902 года он пишет: «Агрессивный антисемитизм или презрение ко всему еврейскому мне чужды»⁵².

Если учесть, что эта фраза принадлежит одному из идейных основоположников холокоста, то ее иначе как лицемерной назвать нельзя. Не менее лицемерно и посвящение *Основ XIX века*, этого воззвания к неумолимой борьбе с еврейской расой. Представителю именно этой расы, венскому физиологу Юлиусу Визнеру, который руководил незаконченной диссертацией Чемберлена, здесь выражается «глубокое уважение и благодарность»⁵³.

Чемберлен однозначно вышел за рамки «обывательского» антисемитизма вильгельмовской эпохи, что, впрочем, касается не только его самого, но и некоторых других известных представителей «Байрейтского кружка». Это косвенно подтверждает Филд, повествуя об отношении Козимы Вагнер к антисемитской программе придворного священника и лидера юдофобской Христианско-социальной Партии Адольфа Штекера. Она вначале возлагала большие надежды на Штекера, но потом, разочаровавшись, отделилась от него: „She found him rather naïv on race questions and rejected his emphasis upon conversion as a solution to the Jewish problem.“⁵⁴

Чемберлен беспрестанно старался популяризировать свою программу «решения еврейского вопроса». В первую очередь в Германии, на второй родине, он надеялся на соответствующий резонанс. От своей родины, Англии, он стал со временем все сильнее отдаляться: «Англичан я считаю народом, уже с давних пор подвергающимся стремительной дегенерации», – писал он вскоре после начала Первой мировой войны⁵⁵.

⁵¹ См. кроме прочего также: Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 152f.; Idem. Die Grundlagen. P. 383ff.

⁵² Chamberlain. Briefe. Vol. 1. P. 111.

⁵³ См. также: Chamberlain. Lebenswege. P. 65f., 108ff., 113-122, 345; Field. The Evangelist. P. 186. В своих воспоминаниях Чемберлен иногда упоминает кроме Визнера и других знакомых-евреев, даже друзей, которые ему, как он говорит, много значили (Lebenswege. P. 191-195, 230f.). Однако это никоим образом не мешало ему выступать за уничтожение еврейской расы, к которой они относились.

⁵⁴ Field. The Evangelist. P. 160.

⁵⁵ Chamberlain. Briefe. Vol. 1. P. 250; см. также: p. 285, 305. Vol. 2. P. 138, 169; Urbach, Bucher. Prinz Max von Baden. P. 151. В Основах он еще довольно-таки позитивно отзывался об Англии: «Англия практически отрезана своим островным положением; [...] и таким образом была

«Англия всецело попала в руки евреев и американцев, – утверждал он в январе 1917 г. в своем письме Вильгельму II. – Поэтому никто не поймет этой войны, если не имеет четкого представления, что это по своей сути война еврейства и родственного ему американизма за господство в мире»⁵⁶.

Так Чемберлен связывал все свои надежды на спасение человечества от «еврейской угрозы» с Германией (начиная с 1885 г., когда ему было 30 лет, и до смерти в 1927 г. Чемберлен жил в немецкоязычных странах): «[Это] мое глубокое внутреннее убеждение [...], что моральное и духовное благополучие человечества зависит от того, что мы называем немецким, – писал он в 1901 г. кайзеру Вильгельму II. – Только на немцев возлагает ныне свои надежды Господь».⁵⁷

Однако надежды Чемберлена, связанные с Германией, сопровождались беспокойством. Дело в том, что многие немцы, по его мнению, в недостаточной мере осознавали масштабы «еврейской угрозы» и придерживались пагубной, с точки зрения Чемберлена, «догмы о равенстве рас»⁵⁸. Особо яркие вспышки гнева вызывали у Чемберлена священники, которые «преподносили нечто в корне неверное в отношении расового вопроса. В данном случае церковное христианство стало настоящим проклятием для человечества»⁵⁹.

Не менее опасной была, по его мнению, деятельность таких «ограниченных умов», как Рудольфа Вирхова и других либерально настроенных профессоров, которые отрицали значение «расы как основы всех незаурядных достижений»⁶⁰.

Тем сильнее было в свою очередь восхищение Чемберлена Рихардом Вагнером, который «выступал с предостережением против растущего влияния евреев в немецком искусстве»⁶¹ и призывал немцев «стать облагораживателями человечества»⁶². (С 1908 г. Чемберлен был женат на дочери Вагнера Еве. Он жил с 1909 г. в Байройте, ставшем под воздействием «идей» Вагнера одним из главных центров антисемитизма в Германии).

Эту цель Вагнера можно достичь, по словам Чемберлена, только тогда, когда немцы сами «станут немцами»⁶³, а именно не только в культурном, но и в расовом плане. К каким «опасным последствиям» может привести несоблюдение расовой чистоты, Чемберлен описал в одном из своих писем Вильгельму II:

«Я знаю человека, полностью ощущавшего себя немцем, который женился на истинно немецкой девушке и теперь в ужасе наблюдает, как этот брак породил детей, которые все до единого выглядят так, будто бы их вылепили по образцу

выращена на данный момент несомненно *сильнейшая* раса Европы» (р. 323, см. также р. 337, 1018-1022).

⁵⁶ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 252.

⁵⁷ Ibid. P. 137f., 170.

⁵⁸ Ibid. P. 150.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. P. 151.

⁶¹ Chamberlain. Wagner. P. 226.

⁶² Idem. Briefe. Vol. 1. P. 56.

⁶³ Ibid. P. 57.

ассирийских монументов – явные, отвратительнейшие семитские лица, которые только можно себе представить, и соответствующие задатки. Мать этого доброго человека была, оказывается, "крещеная", и теперь – благодаря смешению – чисто семито-сирийское проявляется намного сильнее, чем раньше»⁶⁴.

Чтобы предотвратить подобные смешения, Чемберлен выступает за «сознательную в расовом отношении [...] однородно организованную и целеустремленную Германию»⁶⁵.

Неудивительно, что за подобные высказывания Гитлер, Розенберг, Гиммлер, Геббельс и другие лидеры национал-социализма считали Чемберлена идейным предшественником своего движения⁶⁶.

Политическое завещание Гитлера от 29 апреля 1945 содержало тезисы, которые могли бы принадлежать Чемберлену. «Фюрер» Третьего Рейха обязывал немцев «к тщательному соблюдению расовых законов и к безжалостной борьбе с отравителем всех народов, международным еврейством»⁶⁷.

До заключительного периода Первой мировой войны Чемберлен связывал свои надежды на осуществление пропагандируемой им расовой революции с высшими кругами Германии. Он гордился тем, что его книги нашли широкий отклик среди высшей немецкой аристократии. Однако эти надежды постепенно ослабли, так как представители высшей аристократии в своем отрицании еврейства не были настолько непреклонны, как Чемберлен. Даже у таких почитателей антисемитских *Основ XIX века*, как принц Макс фон Баден или кайзер Вильгельм II, в числе друзей или сотрудников были евреи. Можно вспомнить хотя бы об Альберте Баллине, Максе Варбурге или Вальтере Ратенау. Макс фон Баден к тому же дискредитировал себя в глазах Чемберлена тем, что стал основоположником парламентаризации вильгельмовской империи. Так как Чемберлен считал парламентскую систему воплощением зла, поведение принца, ставшего в октябре 1918 г. первым канцлером правительства, несущего ответственность перед рейхстагом, явилось для него настоящим шоком⁶⁸.

Несмотря на эту разочаровавшую Чемберлена позицию немецкой аристократии, он и впредь считал Германию главным противником еврейства и верил, как и прежде, в «призвание Германии»: «Вера в германскую сущность [...] является для меня составной частью моей веры в бога, – писал он 21 ноября 1918 г. – Я по-прежнему непоколебимо убежден, что бог создал и вырастил немцев для благородных целей, на благо всему человечеству»⁶⁹.

⁶⁴ Ibid. Vol. 2. P. 152f. (от 20.02.1902).

⁶⁵ Ibid. P. 161.

⁶⁶ Köhler. Wagners Hitler; Sarkisyanz. Vision. P. 87-90.

⁶⁷ Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945 – kommentiert von einem Zeitgenossen. Wiesbaden, 1973. Vol. 2. P. 2239.

⁶⁸ Urbach, Bucher. Prinz Max von Baden. P. 135f.

⁶⁹ Chamberlain. Briefe. Vol. 2. P. 62.

И эта надежда начала материализоваться в 20-е годы. Чемберлен встретил политика, который смог бы осуществить в течение десятилетий пропагандируемое им «дело исцеления», – Адольфа Гитлера.

30 сентября 1923 г. в Байройте состоялась встреча обоих единомышленников. Неделю спустя Чемберлен писал лидеру НСДАП:

«Уважаемый и дорогой господин Гитлер. [...] Перед Вами стоит огромная задача. [...] Моя вера в немецкую нацию ни на мгновение не пошатнулась, однако моя надежда – я признаюсь – угасла. Вы враз переменяли состояние моей души. То, что Германия в свой самый тяжелый час породила Гитлера, свидетельствует о том, что она жива. [...] Я мог бы теперь спокойно уснуть, и мне не нужно было бы просыпаться. Да защитит Вас Господь!»⁷⁰

Письмо Чемберлена было для Гитлера бесценно. После выхода *Основ XIX века* Чемберлен считался все-таки «главным идеологом» «Байрейтского кружка»⁷¹. И теперь, благодаря Чемберлену, Байройт лежал у ног Гитлера, что чрезвычайно окрыляло лидера национал-социалистического движения. Гитлер «радовался этому письму, как ребенок», – пишет один из его единомышленников, Йозеф Штольцинг-Черны, в письме к Еве Чемберлен от 17 октября 1923 г.⁷²

«Байройт обладал в консервативном лагере силой, которая измерялась не голосами избирателей, а влиятельными личностями и объединениями, – пишет Йоахим Келер. – Чтобы приблизить конец ненавистной республики, было недостаточно быть фанатичным антисемитом. Байройту нужен был герой, который бы действительно претворил расовый идеал в жизнь»⁷³.

И таким героем был избран Гитлер.

Даже провал Мюнхенского путча не подорвал веру Чемберлена в «призвание» Гитлера. В листовке от 1 января 1924 г. он называет избранного им будущего исполнителя его завещания своего рода «светлым образом»: В отличие от остальных политиков, Гитлер – это «благословение божие», – не «пустослов», а некто, кто продумывает свои мысли до конца и бесстрашно делает из этого выводы⁷⁴.

Гитлер в свою очередь говорил с восхищением о якобы «научно» обоснованных «выводах» Хьюстона Стюарта Чемберлена, которые «официальные правительственные инстанции [...] равнодушно» упустили из виду⁷⁵.

Геббельс же называл Чемберлена «отцом нашего духа», «новатором» и «первопроходцем»⁷⁶.

⁷⁰ Ibid. P. 124ff.

⁷¹ Köhler. Wagners Hitler; Field. The Evangelist.

⁷² Köhler. Wagners Hitler. P. 459.

⁷³ Ibid. P. 19.

⁷⁴ Ibid. P. 20.

⁷⁵ Ibid. P. 289f.

⁷⁶ Ibid. P. 250.

Создание Третьего рейха можно в этом отношении назвать посмертной победой скончавшегося в 1927 г. Чемберлена. Гитлер, прославленный автором *Основ*, действительно обладал способностью связывать слово с делом, которой так восхищался Чемберлен. Сформулированное в рейхстаге 30 января 1939 г. «видение» об «уничтожении еврейской расы в Европе»⁷⁷, которое представляло своего рода завещание Чемберлена, фюрер Третьего рейха спустя два с половиной года начал претворять в жизнь дословно.

Между тем завещание Чемберлена содержало компонент, смущавший лидера НСДАП: «Заблуждение Х. Ст. Чемберлена заключалось в том, что он верил в (духовное значение) христианства», – заявил Гитлер в одном из своих монологов, который был записан 13 декабря 1941⁷⁸. Это было время, когда холокост был уже в полном разгаре. Бригады СД и полиции безопасности, начавшие непосредственно после начала войны 22 июня 1941 г. массово расстреливать евреев-мужчин, приблизительно в конце августа распространили эту кампанию по уничтожению также и на женщин и детей⁷⁹. В лагере смерти Хелмно в так называемом «Вартегау» состоялись первые акции умерщвления евреев газом.

Высказывания Чемберлена в защиту христианства, хотя и в форме так называемого «арийского» христианства, представлялись для исполнителей его завещания препятствием: «Чистое христианство ... ведет к уничтожению человечества, является неприкрытым большевизмом в метафизическом обрамлении», – объявил Гитлер в своем монологе от 14 декабря 1941⁸⁰. Последний «балласт», оставшийся от европейской цивилизации, был, таким образом, отброшен. На пути «окончательного решения еврейского вопроса» теперь уже ничего не стояло.

Разработанная Чемберленом на пороге 20-го века утопия в середине этого «века крайностей», по крайней мере на европейском континенте, была практически воплощена в жизнь. Сущность этого столетия состояла в том, что оно было временем реализации некоторых утопических мечтаний, которые раньше рассматривались как неосуществимые. В 19-м веке часто сожалели и том, что утопии хотя и кажутся красивыми, но их нельзя превратить в жизнь, писал в своей книге *Новое средневековье* Николай Бердяев. В 20-м веке человечество столкнулось с совсем иной проблемой. Утопии оказались намного легче осуществляемы, чем

⁷⁷ Domarus. Hitler. Reden und Proklamationen. Vol. 2. P. 1056ff; Battenberg F. Das europäische Zeitalter der Juden. Zur Entwicklung einer Minderheit in der nichtjüdischen Umwelt Europas. Darmstadt, 1990. Vol. 2. P. 282.

⁷⁸ Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944, aufgezeichnet von Heinrich Heim / Ed. von Werner Jochmann. München, 2000. P. 151.

⁷⁹ См. кроме прочего также: Longerich P. Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. München, 1998. P. 580; Burrin Ph. Hitler und die Juden. Die Entscheidung für den Völkermord. Frankfurt/Main, 1993. P. 118f.; Friedländer S. Die Jahre der Vernichtung. Das Dritte Reich und die Juden. München, 2006. P. 244f.

⁸⁰ Adolf Hitler. Monologe. P. 152.

предполагалось. И теперь встал вопрос о том, как можно было бы предотвратить реализацию утопий⁸¹.

В самом деле, адепты утопических проектов определили в огромной мере историю 20-го столетия, прежде всего его первую половину, и заставили их либерально-демократических противников, не мыслящих в апокалиптических категориях и понимавших под политикой «искусство возможного», занять оборонительную позицию. Около 1940 г. почти всем европейским континентом правили два тоталитарных левиафана, пытавшихся осуществить утопические видения, которые были развиты в двух программных манифестах, возникнувших на рубеже веков. Наряду с *Основами XIX века* здесь речь идет об опубликованном три года спустя трактате Ленина *Что делать?*

Атака слева

Когда Ленин писал свой труд, весь Второй интернационал находился в ревизионистской борьбе, которая показала, что утопические энергии, которыми марксистское движение обладало еще в предыдущие десятилетия, постепенно иссякали. Западные социал-демократические партии все сильнее занимались парламентскими, профсоюзными или коммунально-политическими вопросами и ни в коем случае не революционными конечными целями. Это погружение в будничную рутину вызывало гнев многих социал-демократов, еще чувствовавших ответственность за исполнение завещания *Коммунистического Манифеста*. Тем не менее, в своих партиях они попадали во все бóльшую изоляцию. Особенно явно это явление проступает на примере политических судеб Розы Люксембург и Александра Гельфанда (Парвуса), относившихся к одним из оригинальнейших социал-демократических теоретикам того времени. Оба с особенной остротой отвергали тезисы Эдуарда Бернштейна. Ревизия основ партии может осуществляться только налево, не направо, писал Парвус в органе СДПГ *Die Neue Zeit*, а именно «на созданной научным социализмом основе социал-революционной пролетарской классовой борьбы, не на им оставленной основе социально-реформаторского утопичества»⁸². Для Розы Люксембург отказ пролетариата от революционной пролетарской классовой борьбы означал примирение с существовавшими отношениями господства, капитуляцию перед ними. Вместе с этим она упрекала Бернштейна в следующем: «[Бернштейн] начал таким образом отказываться от *конечной цели* ради самого движения. Но так как фактически социал-демокр-

⁸¹ Berdjaev N. Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Rußlands und Europas. Tübingen, 1950. P. 122.

⁸² Parvus. Der Opportunismus in der Praxis // Die Neue Zeit. 1900/1901. Vol. 2. P. 746.

атического движения без социалистической конечной цели быть не может, то он неизбежно закончит тем, что откажется и от самого движения»⁸³.

Острота, которую Роза Люксембург и Парвус вносили во внутривнутрипартийную полемику, казалась некоторым западным социал-демократам знаком «русской нетерпимости» (Роза Люксембург была родом из русской части Польши, Парвус родился недалеко от Минска и вырос в Одессе). Оба слыли в СДПГ эксцентриками и не могли завоевать большинство партии для своей точки зрения. Руководство СДПГ неоднократно осуждало Розу Люксембург за ее слишком радикальную позицию⁸⁴. Парвус, разочаровавшись, оставил в 1910 г. Германию и поселился в Турции, чтобы начать совершенно новую страницу своей биографии⁸⁵.

Представления *Коммунистического Манифеста* об устранении частной собственности и создании бесклассового рая на земле вдохновляли около 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны, только немногочисленные радикальные круги рабочего движения. Однако через три года представители этого направления стали единовластными правителями одного из крупнейших государств мира. *Утопия пришла к власти*, так с помощью названия книги русских эмигрантских историков Некрича и Геллера можно охарактеризовать это событие⁸⁶. Почему именно Россия стало полем для экспериментов марксистских утопистов? С точки зрения классиков марксизма Россия совершенно не подходила для воплощения видений *Коммунистического Манифеста*. На рубеже веков она была в сущности еще аграрной страной, в которой промышленные рабочие составляли незначительное меньшинство населения. Кроме того, Россия являлась во времена Маркса и Энгельса самодержавной монархией, не знавшей, если не учитывать независимое правосудие (с 1864 г.), принципа разделения властей. Таким образом, Россия не обладала никакими предпосылками для развития успешного социал-демократического движения по западному образцу. Россия стоит на пороге революции, говорил Энгельс в 1875 г., но это не будет социалистическая революция, потому что российская буржуазия и промышленный пролетариат находятся на чрезвычайно низкой ступени развития. Переворот, намечающийся в России, это бунт против «последнего до сих пор существующего резерва общеевропейской реакции»⁸⁷. Во время революции 1848 г. в своей газете *Neue Rheinische Zeitung* Маркс и Энгельс призывали западные народы к революционному крестовому походу против Российской империи. Энгельс вспоминал: «Внешняя политика [газеты *Neue Rheinische Zeitung* – Л. Л.] была проста: защита каждого

⁸³ Luxemburg R. Politische Schriften. Frankfurt/Main, 1967. Vol. 1. P. 124f.

⁸⁴ Nettl J. P. Rosa Luxemburg. Köln, Berlin, 1969. P. 320-369.

⁸⁵ У размолвки Парвуса и СДПГ были не только идеологические, но и финансовые причины. Следственная комиссия СДПГ (1908/09) объявила Парвусу строгий выговор в связи с расхищением части прибыли российского писателя Максима Горького (Scharlau W.B., Zeman Z.A. *Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische Biographie*. Köln, 1964. P. 132f.; Heresch E. *Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Biographie*. München, 2000. P. 101).

⁸⁶ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней, тт. 1–2. Лондон, 1982.

⁸⁷ MEW. Vol. 18. P. 567.

революционного народа, призыв к всеобщей войне революционной Европы против опоры европейской реакции – России»⁸⁸. Ирония истории, о которой Маркс и Энгельс, следуя Гегелю, так часто говорили, им, однако, отомстила. Ибо именно в этом государстве, которое, по их мнению, было полностью негодным для пролетарской революции, впервые в истории пришла к власти марксистская партия.

Первые марксистские группировки возникли в России в 80-х годах 19-го века. Они находились с самого начала в парадоксальной ситуации. В качестве неумолимых критиков капиталистической системы они должны были в то же время выступать за развитие капитализма в России. Так как только таким образом можно было возвести необходимый фундамент для создания в дальнейшем социалистического общества. Как бескомпромиссные противники буржуазии они должны были в то же время бороться за победу буржуазной революции в России, так как по классическим учебникам марксизма буржуазные революции должны были предшествовать пролетарским. Но в этой буржуазной революции промышленный пролетариат, как это ни парадоксально, должен был играть рушающую роль. В 1891 г. родоначальник русского марксизма, Георгий Плеханов, сказал, что российский промышленный пролетариат представляет собой первую революционную силу в русской истории, которая способна свергнуть самодержавие и ввести Россию в сообщество цивилизованных народов.

Надежды, которые связывали русские марксисты с промышленным пролетариатом, не были безосновательными. Лишенные корней промышленные рабочие были намного мобильнее и восприимчивее к революционной пропаганде, чем крестьяне, находящиеся во власти традиционных взглядов на мир. Распространению революционной пропаганды среди российских промышленных рабочих способствовало и то, что российские заводы часто представляли собой гигантские предприятия с тысячами рабочих⁸⁹. Революционные лозунги могли там распространяться как беглый лесной пожар. Тот факт, что промышленные гиганты настолько сильно формировали русский промышленный ландшафт, связано с запоздалой индустриализацией России. В связи с этим нередко даже говорят о привилегии отсталости. Таким образом, нации, позже начавшие модернизацию, не обязательно должны повторять весь путь развития их предшественников. Они с самого начала опираются на результаты процесса модернизации высокоразвитых стран и сразу перенимают последние технологические достижения. А западные промышленные концерны представляли собой ко времени индустриализации России – т.е. на рубеже веков – последнее слово техники. Российская империя переняла современнейшие технологические структуры Запада, отклонила, однако, модернизацию своих общественных и политических структур. Это также вело к радикализации положения в стране.

⁸⁸ MEW. Vol. 21. P. 22.

⁸⁹ См. Keep J. L.H. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. N.Y., 1976. P. 19; Altrichter H. Rußland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997. P. 275.

До революции 1905 г. в России не существовало легальных независимых рабочих организаций. Поэтому канализирование или институционализация общественного протеста были невозможны. Практически каждая демонстрация рабочих вела к жестоким стычкам с полицией. Не в последнюю очередь из-за этого русский промышленный рабочий класс отличался чрезвычайной воинственностью. На таких радикально настроенных промышленных рабочих опиралась созданная в 1898 г. Российская социал-демократическая рабочая партия. После затихания революционных волн на Западе вследствие поражения революции 1848 года, революционный центр континента сместился в Россию. Здесь происходило непрерывное обострение политических конфликтов и поляризация общества, как это предсказывали Маркс и Энгельс для Западной Европы. Несмотря на это, гигантский царский аппарат власти казался в начале 20-го столетия практически непобедимым и неоспоримо превосходящим революционные группировки самой различной направленности. В этих условиях и был создан трактат *Что делать?*, который для истории марксистского движения будет играть не меньшую роль, чем *Коммунистический Манифест*.

Также как и Чемберлен, Ленин верил в закономерность исторического развития, но хотел при этом – и здесь параллель к автору *Основ* – влиять на спонтанные исторические процессы. Эти аналогии в мышлении обоих авторов поражают, если обратить внимание на то, что Чемберлен опирался на мировоззрение, пронизанное безграничным пессимизмом (тезис Гобино о непрерывном процессе разложения белой расы), в то время как Ленин унаследовал от Маркса безграничный оптимизм (неизбежная победа пролетарской революции).

Своей «карфагенской моделью» Чемберлен хотел показать, как уже говорилось, что пессимистические взгляды Гобино были необоснованны. Упадок арийской расы можно было остановить, если избавиться от главной причины этого процесса – еврейства. Он призывал арийскую расу к тому, чтобы сверхчеловеческим усилием воли создать расовый «рай на земле».

Ленин также был воодушевлен видениемрая на земле, социальногорая, который, как и у Чемберлена, должен был быть создан при помощи волевого акта. Эволюционные решения рабочего вопроса, за которые выступали западные «революционеры» и их русские единомышленники, борющиеся в первую очередь за постепенное улучшение экономического положения пролетариата, Ленин наотрез отклонял. По его мнению, это только отвлекало от подлинной цели – уничтожения существующего общества. Ожидания Ленина были не слишком отличны от Маркса и Энгельса, отраженные в *Манифесте Коммунистической партии*⁹⁰.

⁹⁰ Бертрам Вульф подчеркивает, что в своих трудах Ленин особенно часто цитировал романтического и «волютаристического» Маркса революционного периода (1848–1850) и в меньшей степени позднего «детерминистского» Маркса, занимавшегося прежде всего «законами» экономического развития капиталистической системы (Wolfe B. *Marxism and the Russian Revolution / Idem. An Ideology in Power. Reflections on the Russian Revolution*. N.Y., 1969. P. 3-41, зд. р. 23). Это обстоятельство и неудивительно. Ибо по «открытым» Марксом законам

Он также провозглашал, почти на раннехристианский манер: спасение близко. Но кто был спасителем? Для Маркса и Энгельса пролетариат, свободный от первородного греха – эксплуатации других людей, – олицетворял нового Спасителя. Оба оказались лжепророками. Ибо целью подавляющего большинства промышленных рабочих было не создание «царства свободы» вместо классового общества, а скромное благосостояние внутри существующего общества, которого они на рубеже веков, по крайней мере на Западе, и добились.

Эту эрозию «утопического» Ленин, находившийся с 1900 по 1917 гг. с короткими перерывами в эмиграции на Западе, мог наблюдать своими глазами. Разочарование в марксистском «Спасителе» проходит красной нитью через его труд *Что делать?*. Спонтанно, своими собственными силами пролетарские массы развивают лишь «тредюнионское» сознание, говорил Ленин. Социалистическое сознание, стремление к созданию нового, никогда не существовавшего мира, им привить может только авангард: «Социалистического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне»⁹¹.

Чтобы избавить теорию авангарда от обвинения в ереси, Ленин ссылаясь на одну из важнейших инстанций тогдашнего марксистского движения – на Карла Каутского, который говорил в журнале *Neue Zeit* 1901/02 гг. следующее:

«Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основе глубокого научного знания [...]. Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция; В головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям [...]. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее»⁹².

Так, скептическое отношение Ленина к способности пролетариата к самостоятельному, осознанному действию было свойственно и другим марксистским теоретикам. Одни только этот скепсис и подчеркивание роли авангарда едва ли могли бы объяснить фундаментальное значение *Что делать?*, сравнимое со значением *Манифеста Коммунистической партии*. Этому в первую очередь способствовали другие тезисы Ленина, прежде всего о революционной тактике. Так как в отличие от *КМанифеста Коммунистической партии* не идеологические, а тактические вопросы составляли ядро *Что делать?*⁹³. При этом Ленин как бы вел

победа «пролетарской революции» в России была, по крайней мере при жизни Ленина, невозможна.

⁹¹ Ленин Н.[sic]. *Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения*. Stuttgart, 1902. С. 20.

⁹² Цит. по: Там же. С. 27.

⁹³ Идеологический каркас движения являлся для Ленина с самого начала не подлежащим сомнению. Николай Валентинов, бывший большевик, рассказывал о своем разговоре с Лениным в 1904 г., в котором Ленин остро спорил с теми большевиками, которые хотели обогатить марксизм новыми философскими учениями: по его словам было недопустимо

«войну на два фронта»: как против идеологической беспомощности масс, так и против организаторской неуклюжести марксистской интеллигенции в России⁹⁴. Последние оказались не в состоянии создать организацию, которая смогла бы повести за собой массы и стать вызовом для царского самодержавия. Поэтому Ленин мечтал о строго дисциплинированной, центрально управляемой заговорщицкой организации профессиональных революционеров: «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!», пишет Ленин в *Что делать?*⁹⁵

На первый взгляд замысел Ленина казался абсолютно утопичным. Как могло только что возникшее социал-демократическое движение России, не имевшее из-за саможержавного характера царской монархии почти никакой возможности действовать публично, стать вызовом для считавшегося тогда неодолимым царского государственного и полицейского аппарата? Сам Ленин признавался, что законы Бисмарка против социалистов казались по сравнению с репрессивной системой царского режима смехотворными: «Русскому пролетариату [...] предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем»⁹⁶. Несмотря на это, Ленин ни в коем случае не считает положение русских марксистов безвыходным. Потому что в русской истории уже был прецедент, когда маленькая, но четко организованная группа заговорщиков смогла сделать вызов могучему российскому государству и поколебать его основы. Этой группой были *Народники* и не в последнюю очередь основанная в 1879 г. террористическая организация *Народная Воля*, убившая в 1881 г. царя Александра II, вошедшего в русскую историю как «царь-освободитель». Ленин восхищался тактикой *народовольцев* и клеймил лишь их «неправильную» идеологию. Они же не были марксистами⁹⁷. Разработанная в *Что делать?* организация профессиональных революционеров – «партия нового типа» – должна была, напротив, связать революционный порыв, характерный для *Народной Воли*, с марксистской программой, что сделало бы ее непобедимой.

Предсказанию Ленина суждено было сбыться. Соединение хилиастических мечтаний русской интеллигенции с марксистским утопизмом под крышей орга-

исправлять Маркса. Социал-демократическая партия – это не семинар, говорил он, на котором можно обсуждать различные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и четкой иерархией идей. Вступление в эту организацию подразумевает безоговорочное признание этих идей. Марксизм можно развивать только в том направлении, на которое указал сам Маркс (Валентинов Н. [Вольский]. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С. 252 и сл.). Так что для Ленина идеология не подлежала обсуждению. Но он страстно дискутировал о вопросах революционной тактики.

⁹⁴ О критической точке зрения Ленина по отношению к интеллигенции см. напр. Frank V. Lenin und die Intelligentsia // Lenin / Ed. L. Schapiro. Stuttgart, 1969. P. 23-33; Горький Максим. В.И. Ленин. М., 1960.

⁹⁵ Ленин. Что делать? С. 97

⁹⁶ Там же. С. 17.

⁹⁷ Там же.

низации профессиональных революционеров, которую Ленин основал через год после опубликования *Что делать?*, представляло собой один из глубочайших поворотов в истории России и всего рабочего движения. До этого момента СДПГ считалась образцом для всех марксистских партий Европы. Ее организационная сила, ее эффективность делали ее равным соперником прусского государства, на структуры которого, как подчеркивает Томас Ниппердей, она в какой-то степени опиралась⁹⁸. Однако Пруссия и соотв. Германская империя были, несмотря на исключительные антисоциалистические законы Бисмарка, правовым государством, предоставлявшим политическим партиям бесчисленные возможности действовать легально. Все эти возможности не существовали в России до 1905 г. (до Октябрьского манифеста царя, обещавшего подданным предоставление основных прав). Таким образом, разработанная Лениным в 1902 г. «партия нового типа» не могла опираться на легально действующую партию по образцу СДПГ. Это, однако, не было единственной причиной, почему СДПГ не могла рассматриваться Лениным как образец для подражания. Когда он назвал исключительные законы против социалистов, представлявшие вершину преследования немецкого рабочего движения, смехотворными, он как бы хотел сказать, что СДПГ развивалась при «тепличных условиях». Немецкое государство не оказывало достаточного давления, чтобы принудить СДПГ к соответственному революционному противодействию. Подобное противодействие могло возникнуть только в России, так как только здесь репрессии приняли по европейским меркам беспрецедентные масштабы. Эта исключительная ситуация – борьба против «самого могучего бастиона европейской реакции» – придавала российскому пролетариату, по Ленину, особую функцию. Если бы российский пролетариат справился бы с этой задачей, он бы перенял ведущую роль в международном рабочем движении, стал бы его авангардом:

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также [...] азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»⁹⁹.

Эти слова Ленина в 1902 г. казались ересью. Для традиционно настроенных западных рабочих партий тогдашние процессы развития в отсталой самодержавной России нельзя было переносить на высокоразвитые индустриальные страны Запада и поэтому они казались по сути несущественными.

Казалось, сам Ленин сформулировал тезис о русском пролетариате как авангарде лишь между прочим. Он его не углублял и неоднократно выражал свое

⁹⁸ Nipperdey Th. Die Organisation der deutschen Parteien vor 1918. Düsseldorf, 1961.

⁹⁹ Ленин. Что делать? С. 17-18.

восхищение СДПГ и мечтал о том, чтобы когда-нибудь и у русских социал-демократов будут свои Бебели и Либкнехты¹⁰⁰. Была ли тогда эта мечта о ведущей роли русского пролетариата лишь кратким эмоциональным всплеском без последствий? Едва ли. Едкая ленинская критика британского тред-юнионизма и немецкого ревизионизма показывает, что он начал все сильнее сомневаться в революционном темпераменте западных марксистов. И эти сомнения не были необоснованными. На рубеже веков марксизм, казалось, все сильнее принимал характер флегматичного экономического учения. Все меньше он звучал революционным пособием к действию, не в последнюю очередь по этой причине царские органы сначала не слишком возражали против распространения марксизма в России, казавшегося по сравнению с некоторыми другими революционными течениями более умеренным и миролюбивым¹⁰¹. Без Ленина и его в 1903 г. основанной большевистской партии – «партии нового типа» – российский марксизм наверно в действительности бы принял похожий реформистский характер, как и на Западе. Противники Ленина на 2-м съезде социал-демократической рабочей партии России, закончившемся расколом партии – «меньшевики» – хотели дословно перенять ориентированные на Запад марксистские модели. Они, а не Ленин, были подлинными ортодоксальными марксистами. Ленин, напротив, проклиная все ревизионистские течения целиком, был на самом деле «ревизионистом». Но для него не могло быть и речи о том, чтобы признать это. Несмотря на принципиальные изменения некоторых основ классического марксизма, он считал себя ортодоксальным марксистом, иногда даже «единственным ортодоксальным марксистом в мире» (Бертрам Вульф)¹⁰². Попыткам меньшевиков приблизиться к «обузданному» западному марксизму Ленин и большевики объявили непримиримую борьбу. И как раз из-за своей непримиримости эта вначале крошечная партия оказывала практически непреодолимую силу притяжения на те группы в стране, которые хотели полностью разрушить существовавший экономический, политический и социальный порядок. Ленину играло на руку и то, что Российская империя находилась примерно со времени потерпевшего неудачу восстания декабристов 1825 г. в состоянии все более радикализирующегося брожения. Не удивительно, что импортированные из Запада учения в России были особенно радикально интерпретированы. Умеренные силы в оппозиционном лагере, предупреждавшие о разрушительных последствиях обожествления революции, не могли предотвратить нарастающую поляризацию в стране. Россия держала курс, хоть и после нескольких передышек, на тотальную конфронтацию между государством и обществом, между верхами и низами. Ленин чувствовал себя в своей стихии. Несмотря на значительную изоляцию большевиков внутри политического класса России им удалось, особенно после падения самодержавия

¹⁰⁰ Там же. С. 92-94.

¹⁰¹ См. Wolfe B. Three who made a Revolution (Lenin, Trotsky, Stalin). A biographical history. N.Y., 1948.

¹⁰² Ibid. P. 13.

в феврале/марте 1917 г., подтолкнуть страну в предполагаемое Лениным направление. Поэтому эмигрировавший из Советского Союза историк Абдурахман Авторханов называет русскую революцию революцией по заготовленному плану, ленинскому плану, первая часть которого была намечена в *Что делать?*¹⁰³. Бертрам Вульф добавляет: «партия нового типа» Ленина была так сконструирована, что для нее не могло быть и речи о терпимости к другим партиям. Подобная партия могла, не принимая во внимание степень зрелости пролетариата, захватить власть, она объявляла себя авангардом пролетариата и навязывала свои собственные условия обществу во имя пролетариата, а пролетариату – во имя его собственного авангарда¹⁰⁴.

Таким образом, для Вульфа и Авторханова, как и для многих других советологов (Л. Хаймсон, М. Файнсод, Л. Шапиро, А. Мейер и др.), является несомненным, что разработанная в *Что делать?* концепция решающим образом повлияла на последующие действия Ленина и созданной им в 1903 г. большевистской партии. Этот подтвержденный бесчисленными фактами из истории большевизма тезис был недавно поставлен под сомнение российским историком Анной Крыловой. С ее точки зрения развитая в *Что делать?* модель представляет собой лишь эпизод в истории русского марксизма и большевизма, окончившийся с революцией 1905 г. В это время Ленин, якобы, научился ценить значение революционных инстинктов пролетариев и пересмотрел свое скептическое отношение к массам¹⁰⁵. Тот факт, что отношение Ленина к революционным инстинктам пролетарских (и крестьянских) масс являлось чисто инструменталистским, Анна Крылова оставляет без внимания. Эти инстинкты должны были быть лишь использованы для разрушения существовавшего порядка и для того, чтобы «партия нового типа» смогла получить единовластие. После достижения этой цели «стихийность» масс стала для партии, намеревавшейся теперь подогнать российскую действительность под марксистскую утопию, помехой, и должна была быть «усмирена». Тех большевиков, которые осуждали попечительство партии, точнее ее руководства над массами, Ленин обвинял в инфантильной позиции. В своем труде *Детская болезнь «левизны» в коммунизме* в мае 1920 Ленин критиковал тех

¹⁰³ Авторханов А. Происхождение партократии. Frankfurt/Main, 1973. P. 35.

¹⁰⁴ Wolfe B. A Party of a New Type. The Foundation Stone of the Communist International // The Comintern: Historical Highlights. Essays, Recollections, Documents / Ed. M.M. Drachkovitch, B. Lazitch. Stanford/Calif., 1966. P. 20-44, зд. p. 42f.

¹⁰⁵ Krylova A. Beyond the Spontaneity-consciousness Paradigm: "Class Instinct" as a Promising Category of Historical Analysis // Slavic Review. 2003. Vol. 62 (1). P. 1-23; см. также: Zelnik R.E. A Paradigm Lost? Response to Anna Krylova // Ibid. P. 24-33; Halfin I. Between Instinct and Mind: The Bolshevik View of the Proletarian Self // Ibid. P. 34-40; Haimson L. Lenin's Revolutionary Career Revisited. Some Observations on Recent Discussions // Kritika 2004. Vol. 1. P. 55-80; Lih L.T. How a Founding Document was Found, or One Hundred Years of Lenin's What Is to Be Done // Ibid. 2003. Vol. 1. P. 5-49; см. также некоторые ранние работы: Haimson L.H. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955; Treadgold D.W. Lenin and His Rivals: The Struggle for Russia's Future 1898-1906. N.Y., 1955; Meyer A.G. Leninism. Cambridge, Mass., 1957; Keep J. L.H. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963; Schapiro L. Lenin nach fünfzig Jahren / Idem. Lenin. P. 7-22.

коммунистов, которые говорили о «диктатуре партийных вождей», о партийной олигархии. Подобные обвинения свидетельствуют, по мнению Ленина, о «самой невероятной и безысходной путанице мысли». Потом он добавил: « Всем известно, что массы делятся на классы юною, что классами руководят обычно [...] политические партии ..., что политические партии в виде общего правила управляются [...] группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных [...] лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно»¹⁰⁶.

Прямая связь между ходом мыслей Ленина в 1902 и 1920 гг., несмотря на все сомнения А. Крыловой, очевидна. Большевицкая диктатура была действительно предвосхищена в своих принципах уже в *Что делать?*, так же как и очертания холокоста были уже явно видны в *Основах* Чемберлена.

Когда возникли эти два пролога к двойной тоталитарной революции 20-го века, Европа казалась, несмотря на гонку вооружений, шовинистические страсти на Западе и революционные в России, настолько стабильной и могущественной, как никогда прежде. Радикальнейшие противники господствовавшего порядка, прежде всего марксистски ориентированное рабочее движение, были интегрированы – не считая России и Италии – в существовавшую систему. Экономическая конъюнктура находилась после преодоления биржевого кризиса 1873 г. на подъеме. Вместе с США европейские государства практически разделили весь земной шар. В свете этой кажущейся устойчивости существовавшей ситуации представления Чемберлена и Ленина о разрушении старого и создании нового мира представлялись особенно далекими от действительности. Эта стабильность Европы производила впечатление даже на обоих деятелей, сомневавшихся, что они еще успеют увидеть исполнение их мечтаний. Когда Ленин после потерпевшей неудачу революции 1905 г. снова был вынужден эмигрировать в Швейцарию, он сказал, что у него возникло чувство, что он уже сходит в могилу¹⁰⁷. Похожее состояние наступило и Чемберлена в довоенное время, когда многие хотя и читали его книги, но он со своими призываниями к «карфагенскому решению» еврейского вопроса так и не смог вызвать к жизни широкое движение. Лишь после самоубийства старой Европы в результате «катастрофы» 1914-1918 гг. «ужасные упростили» (Карл Якоб Буркхардт) довоенного времени получили шанс, своими «видениями» коренным образом изменить мир.

В заключение я еще хотел бы остановиться на вопросе, почему «видения» Чемберлена могли быть реализованы именно в Германии, а Ленина – именно в России. Антисемитские чувства, к которым обращался Чемберлен, были распространены практически во всех европейских странах, а в таких государствах как Франция и Российская империя они проявлялись до 1914 г. в еще более острой форме, чем в Германии (дело Дрейфуса, еврейские погромы). Что же касается

¹⁰⁶ Ленин. ПСС. Т. 41. С. 24.

¹⁰⁷ Krupskaja N.K. Erinnerungen an Lenin. Vol. 1-2. Berlin, Wien, 1929-1933; см. также: Wolfe. Three who made a Revolution; Haimson. The Russian Marxism. P. 218f.

радикальных социалистических фантазий, вдохновлявших Ленина, то и они представляли собой общеевропейский феномен.

Несмотря на такое положение дел, Германия и Россия оказались особенно восприимчивыми к тотальным искушениям, хотя и с разными знаками. Возможно, это было связано с особенно глубоко укорененной тоской в обеих странах по преодолению внутреннего раскола – в Германии национального, в России социального.

Эйфория, настигшая Германию ко времени германских войн за объединение и прежде всего во время германо-французской войны 1870/71 гг., представляла собой своего рода революцию – вместо неудавшейся революции 1848/49 гг., не решившей национального вопроса. Британский историк Льюис Б. Нэмьер назвал войну даже одной из форм немецкой революции¹⁰⁸. Федор Достоевский, внимательно наблюдавший за развитием событий в Германии, находился ко времени начала германо-французской войны в Дрездене. В своем *Дневнике писателя* (1876) он описывает свои тогдашние впечатления:

«[...] смотря на иную проходящую роту, нельзя было не залюбоваться удивительной военной выправкой, стройным шагом, точным, строгим равнением, но в то же время и какой-то необыкновенной свободой, еще и невиданной мною в солдате, сознательной решимостью, выражавшейся в каждом жесте, в каждом шаге этих молодцов. Видно было, что их не гнали, а что они сами шли. Ничего деревянного, ничего палочно-капрального, и это у немцев, у тех самых немцев, у которых мы заимствовали [...] и капрала, и палку! Нет, эти немцы шли без палки, как один человек, с совершенной решимостью и с полной уверенностью в победе. Война была народною: в солдате сиял гражданин, и, признаюсь, мне тогда же стало жутко за французов [...]»¹⁰⁹.

Но пыл 1870/71 гг. быстро остыл. Нация осталась внутренне расколотовой и сотрясаемой религиозными, территориальными и социальными проблемами, до того момента, когда идеи лета 1914 г. спаяли нацию, не знавшую «больше никаких партий», так же как и в 1870/71 гг., казалось, в монолит. Военное вдохновение лета 1914 г. представляло собой, конечно же, общеевропейский феномен, но только в Германии оно стало новым этапом в процессе построения нации. Для борцов за «органическое» единство нации этот процесс, однако шел не так далеко, как им хотелось. То, что «непобедимая на поле боя» армия в конце концов все-таки проиграла эту войну, многие объясняли слабостью на внутреннем фронте. Теперь же борьба за органическое единство нации, за искоренение всего чужеродного, стоявшего на пути этого процесса, приняла истерический характер и потеряла всякую связь с реальностью. Только в этой атмосфере, которую Гер-

¹⁰⁸ Namier L.B. The Course of German History / Idem. Facing East. L., 1947. P. 25-40.

¹⁰⁹ Достоевский. Дневник писателя.

манн Раушнинг называет состоянием горячечного бреда¹¹⁰, могла быть осуществлена все упрощающая «программа» Чемберлена, определявших евреев истинными виновниками всех бед немцев. Захват власти Гитлером, который был напрямую связан с исключением евреев из общественной жизни Германии, рассматривался многими немцами своего рода продолжением начатого в 1864-1871 гг. и обновленного в 1914 г. процесса объединения, своего рода революцией. Это упоение объединением особенно наглядно описано в биографии Гитлера Иоахима К. Феста¹¹¹.

Что касается России, то она пережила похожую эйфорию не в 1914, а в 1917 г. Война в России не была связана, не считая тонкого слоя образованных людей, с ожиданиями блага и спасения, это наступило только с революцией 1917 г.

Обожествление революции имеет в России длинную предысторию. Воплощением этого обожествления была в первую очередь русская интеллигенция – феномен, у которого на Западе, как справедливо подчеркивает Теодор Шидер, не было эквивалента¹¹². Мышление интеллигенции носило манихейские черты. Зло символизировало для них царистское самодержавие, добро – простой русский народ, и они исходили из того, как указывает российский философ Семен Франк, что механическое устранение зла автоматически приведет к победе добра¹¹³. Бескомпромиссная революционная деятельность интеллигенции привела к тому, что она не придавала значения глубоким метафизическим вопросам, так как занятие ими отвлекало, якобы, от борьбы за освобождение народа, добавляет Николай Бердяев. Чистый материализм и атеизм являлись единственным интеллектуальным багажом интеллигенции¹¹⁴.

Лишь «идеалистический поворот», захвативший к началу 20-го века часть русской интеллигенции, привел к постепенному отказу от одержимости революцией. Однако эта смена парадигм наступила слишком поздно, так как хилиастические мечтания интеллигенции, ее вера в исцеляющую силу революции уже заразили простой народ, до этого еще укорененный в допетровском мироощущении. Для народных слоев на протяжении поколений государство воплощал православный царь. Будучи солдатами, они боролись за Веру, Царя и Отечество. Русский историк Федотов указал в связи с этим на то, что понятию Отечество в этой триаде не случайно отводилось последнее место¹¹⁵. Идея современного национального государства, считавшегося независимо от религиозных коннотаций вершиной создания, к началу 20-го века проникло лишь в часть образованного

¹¹⁰ Rauschnig H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941. P. 262f.

¹¹¹ Fest J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1979. P. 513-570.

¹¹² Schieder Th. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / Idem. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1970. P. 11-57, зд. p. 42ff.

¹¹³ Франк С. Этика нигилизма / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 175-210.

¹¹⁴ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда / Вехи. С. 1-22.

¹¹⁵ Федотов Г. Революция идет // Современные Записки. 1929. № 39. С. 306-359.

слоя России. Низшие слои российского общества, правда, и пережили процесс модернизации, приведший на рубеже веков к ослаблению их привязанности к церкви и царю; но они так и не нашли привязки к современной идее национального государства. Они находились в подвешенном состоянии между прошлым и будущим, и этот мировоззренческий вакуум все сильнее заполнялся идеей революции. Вера в революцию представляла собой замену тогдашней в значительной мере опустошенной вере в православного царя. Таким образом революционная интеллигенция выиграла свою длящуюся десятилетиями конкурентную борьбу с царской бюрократией за «душу» народа.

Интеллигенция «просветила» народ, чьи традиционные представления были поколеблены, писал в 1908 г. русский философ Сергей Булгаков. Эта «победа», однако, будет иметь для России трагические последствия, продолжал Булгаков¹¹⁶.

При этом необходимо добавить, что современные революционные учения, с помощью которых интеллигенция пыталась «просветить» народ, смешивались с традиционными идеалами справедливости низших слоев российского общества, носящих ярко выраженный эгалитарный характер. «Из всех форм справедливости равенство для русских – на первом месте» – говорил Георгий Федотов¹¹⁷.

После падения царской монархии в 1917 г. эгалитарная эйфория, овладевшая российским населением, приняла масштабы стихийного бедствия и направился против иерархического принципа как такового, являющегося для каждого государства основополагающим принципом построения. Все политические партии России пытались сдержать этот эгалитаристский восторг, грозивший смести всю цивилизаторскую «надстройку» страны, – но только не большевики. Ленин разжигал и дальше стремление к освобождению от всех форм неравенства, созданию «органического», единого социального организма и к уничтожению «буржуазного государства». Ибо он знал, что только на этих руинах могло быть построено воображаемое им «партийное государство нового типа». Для достижения этой цели он даже был готов объединиться с непросвещенными массами. Бертрам Вульф пишет:

«It was Lenin, irreconcilable enemy of the spontaneous and elemental *stikhia*, who understood most clearly that in this gray mass, with its fear of punishment for indiscipline, its desire to avoid transfer to the front, its disorderly use of its weapons, its new-found glorification, its unrest, uncertainty, inexperience, and vulnerability to plausible demagogic slogans, was the dynamite to blow up the infirm foundations of the Provisional Government».¹¹⁸

А Федор Степун добавляет: в 1917 г. Ленин понял, что в определенных ситуациях лидер должен поддаваться воле масс, чтобы победить. Несмотря на то, что

¹¹⁶ Булгаков С. Два града. Т. 1-2. М., 1911, зд. т. 2, с. 159-163.

¹¹⁷ Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 79-95, зд. с. 89.

¹¹⁸ Wolfe. Marxism and the Russian Revolution. P. 23.

Ленин был человеком необыкновенной силы воли, он послушно шел в направлении, выбранном массами¹¹⁹.

Однако этот союз Ленина с анархичными массами представлял собой лишь краткосрочное явление. Сразу после победы большевистской революции «партия нового типа» стремилась деполитизировать своих «союзников» и превратить их в винтики тоталитарного механизма. Так как опьянение свободой 1917 г. еще очень долго действовало на россиян, при попытке приспособить строптивую российскую действительность к марксистской утопии большевики натолкнулись на существенное сопротивление. Партия ответила террором, которому суждено было стать, с краткими перерывами до 1953 г. (до смерти Сталина) одной из важнейших основ нового режима.

(Авторизованный перевод Антонины Зыковой)

¹¹⁹ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 342.